

В.В. Романов*

**НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ
ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИИ В 1917–1922 ГГ.
В ОЦЕНКАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
ЛИБЕРАЛЬНОГО ПОЛИТИКО-АКАДЕМИЧЕСКОГО
ИСТЕБЛИШМЕНТА США**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»,
392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33*

В статье анализируется эволюция подходов и оценок политико-академического истеблишмента США относительно национально-территориальной трансформации России на заключительном этапе Первой мировой войны, в условиях революции и Гражданской войны. Американская дипломатия была в тот момент нацелена на разработку и осуществление собственной амбициозной программы либерально-демократического переустройства послевоенного мира, в которой подчеркнутое внимание уделялось вопросам национального самоопределения. В этой связи администрация В. Вильсона не могла не отреагировать на по-настоящему радикальные изменения, которые происходили на пространстве бывшей Российской империи. В то же время эта реакция отличалась большим своеобразием, которое часто вызывало недоумение у европейских политиков, но вместе с тем, как отмечает автор, отражало особенности трактовки В. Вильсоном и его окружением принципа национального самоопределения. В соответствии с этой трактовкой данный принцип предполагал не столько право на этническое обособление (как это было принято в Европе), сколько право гражданского сообщества на самоуправление. При этом право самостоятельно распоряжаться своей судьбой, с одной стороны, в духе социал-дарвинистских подходов объявлялось привилегией только достигших определенной зрелости народов, а с другой — в каждом конкретном случае соотносилось с соображениями политической раци-

---

* Романов Владимир Викторович — доктор исторических наук, профессор, научный руководитель факультета истории, мировой политики и социологии, профессор кафедры международных отношений и политологии ТГУ имени Г.Р. Державина (e-mail: vvromanov@mail.ru).

ональности и перипетиями смены политических режимов в России. Так, если либеральный политико-академический истеблишмент США в целом последовательно поддерживал независимость Польши и Финляндии, то большинству других национальных меньшинств (народам Прибалтики, украинцам, белорусам, армянам, грузинам, азербайджанцам, народам Средней Азии и др.) чаще всего предлагалось отстаивать свою автономию в рамках единой и демократической России. Особенно противоречивой оказалась политика США на российском направлении после прихода к власти большевиков. Как отмечает автор, последовательное неприятие большевистских преобразований сочеталось в ней с нежеланием подстегивать сепаратизм национальных окраин, продиктованным страхом неограниченной дезинтеграции России, превращения ее в зону непрекращающихся этнических конфликтов. В результате США не признавали большинства национальных образований, декларировавших свою независимость в 1917–1922 гг. При этом автор заключает, что в дальнейшем усиливавшееся идеологическое и политическое противостояние с Советской Россией не позволило руководству США адекватно оценить национально-территориальные изменения, закрепленные большевиками при создании СССР.

Ключевые слова: национальное самоопределение, Вудро Вильсон, вильсонизм, либерализм, национальные меньшинства, Российская империя, Советская Россия, образование СССР, Российская революция, нация.

Для цитирования: Романов В.В. Национально-территориальная трансформация России в 1917–1922 гг. в оценках представителей либерального политико-академического истеблишмента США // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 3. С. 163–194. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-163-194.

Vladimir V. Romanov

**THE US LIBERAL POLITICAL
AND ACADEMIC ESTABLISHMENT
ON NATIONAL-TERRITORIAL
TRANSFORMATION OF RUSSIA IN 1917–1922**

*Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000*

The paper examines the evolution of approaches and assessments of the US political and academic establishment regarding the national-territorial transfor-

mation of Russia at the final stage of the First World War, during the Revolution and the Civil War. During that period the US diplomacy was focused on developing and implementing its own ambitious program for the liberal-democratic reorganization of the post-war world with particular focus on issues of national self-determination. As a result, Wilson's administration could not remain indifferent to the dramatic changes on the territory of the former Russian Empire. However, as the author notes, for European politicians its responses appeared rather unusual and often puzzling. The latter was due to a very specific interpretation of the principle of national self-determination adopted by W. Wilson and his associates as the right of the civil society to self-government rather than the right to ethnic separation. At the same time, the right to independently determine their own destiny was reserved, in a spirit of social-Darwinism, only for peoples who had reached a certain maturity. And moreover, each particular case was additionally assessed in terms of both political rationality and developments of political situation in Russia in general. For instance, the US liberal political and academic establishment consistently supported the independence of Poland and Finland while most other national minorities (the peoples of the Baltic region, Ukrainians, Belarusians, Armenians, Georgians, Azerbaijanis, the peoples of Central Asia, etc.) were usually encouraged to defend their autonomy within a united and democratic Russia. The author notes, that the US policy towards Russia became particularly controversial after the Bolsheviks came to power: the consistent rejection of the Bolshevik reforms was accompanied by the reluctance to incite separatism on the national outskirts out of fear of Russia's uncontrolled disintegration and its subsequent transformation into a site of endless ethnic conflicts. As a result, the United States did not recognize most of the national entities that declared their independence in 1917–1922. At the same time, the author concludes that the growing ideological and political confrontation with Soviet Russia in the following years did not allow the US leaders to adequately assess the national-territorial transformations that were brought about by the creation of the USSR.

Keywords: national self-determination, Woodrow Wilson, Wilsonism, liberalism, national minorities, Russian empire, Soviet Russia, formation of the USSR, Russian revolution, nation.

About the author: *Vladimir V. Romanov* — Doctor of Sciences (History), Professor, Scientific Director of the Faculty of History, World Politics and Sociology, Professor at the Department of International Relations and Political Science, Derzhavin Tambov State University (e-mail: vvromanov@mail.ru).

For citation: Romanov V.V. 2022. The US liberal political and academic establishment on national-territorial transformation of Russia in 1917–1922. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 14, no. 3, pp. 163–194. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-163-194. (In Russ.)

Постановка проблемы

Политические трансформации в России в 1917–1922 гг. наглядно отражали динамику глобальных революционных преобразований, происходивших под влиянием Первой мировой войны. При этом на пространстве бывшей Российской империи в данный период осуществлялись, пожалуй, самые радикальные изменения, которые принципиально обновили весь ландшафт страны. В обширной и разноплановой научной литературе, посвященной этой проблеме, до сих пор не прекращаются дискуссии о том, что нового привнесла Российская революция 1917 г. в национальную конструкцию государства. Данные дискуссии встроены в более широкое обсуждение, прежде всего природы большевистской власти, особенностей идентичности и самоидентичности советского строя [Новая имперская история постсоветского пространства, 2004; Летняков, 2018; A state of nations, 2001; Rolf, 2021].

Наибольшую популярность среди американских оценок процесса национального строительства в постреволюционной России имеет получившая распространение еще в годы холодной войны концепция известного советолога Р. Пайпса. Противопоставляя «коммунизм» и «национализм», он рассматривал образование СССР как исключительно насильственное и репрессивное восстановление Российской империи партией большевиков [Pipes, 1954]. Нельзя умолчать, конечно, и об имеющихся в американской историографии противоположных суждениях о Советском Союзе. Например, в работах профессора Гарвардского университета Т. Мартина, специалиста по национальной политике большевиков, обоснован вывод о том, что СССР не был ни федерацией, ни моноэтническим государством. Ученый назвал Советский Союз империей «положительной деятельности», в которой была предпринята оригинальная попытка соединить социалистические ориентиры экономического и политического «единства» государства с национализмом. На практике это привело к всесторонней и приоритетной поддержке национальных меньшинств в большей степени, чем русских, которые этнически преобладали в государстве. С масштабами программ подобной «положительной деятельности» для национальных меньшинств в СССР, как считает Т. Мартин, до сих пор нельзя сравнить ни одну другую страну мира [Martin, 2001: 17–18]. Актуальность и острота дискуссий относительно особенностей национального устройства

Советского Союза усилились после его дезинтеграции. Многие авторы, опираясь на критику «имперской сущности» СССР, пытались обосновать не только закономерность распада многонационального государства, но и абсолютную законность собственного и независимого пути бывших советских республик. Данный аргумент и в наши дни остается подчас решающим для противников какого-либо сближения этих территорий с современной Россией.

Не вдаваясь в подробности общественно-политического и академического дискурса об «имперской природе» государственного устройства СССР/России, попытаемся рассмотреть другой, конкретно-исторический сюжет. В частности, обратимся к тому, как в условиях революционных преобразований 1917–1922 гг. национально-территориальную трансформацию пространства бывшей Российской империи воспринимала политико-академическая элита Соединенных Штатов Америки. Интерес к данной проблеме вызван как минимум одним важным обстоятельством. Президент Вудро Вильсон, возглавлявший администрацию США до 1921 г., разработал программу послевоенного переустройства мира, важным аспектом которой был национальный вопрос. С его именем традиционно связывают не только провозглашение в «14 пунктах» принципа национального самоопределения, но и отстаивание интересов национальных меньшинств на международной арене [Ambrosius, 2002; «14 пунктов» Вильсона сто лет спустя..., 2018]. Следовательно, распад многонациональной Российской империи, борьба за самоопределение ее отдельных территорий не могли не привлекать внимание официального Вашингтона. Важно заметить, что многие вильсоновские суждения на этот счет и в наши дни остаются в центре внимания как политиков, так и ученых. На В. Вильсона и его советников ссылался, например, президент РФ Владимир Путин, анализируя истоки американской стратегии расчленения России¹. Вместе с тем к авторитету В. Вильсона, как правило, апеллируют все народы, стремящиеся к обретению национального самоопределения. Неслучайно в ряде стран Восточной Европы (Польше, Чехии) ему поставлены памятники за помощь в борьбе за независимость [Wolf, 2020]. Многие эксперты, однако, признают неоднозначность и противоречивость

---

¹ Большая пресс-конференция Владимира Путина. 23.12.2021 года // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/67438> (дата обращения: 27.02.2022).

данного сегмента вильсоновского наследия и тот бесспорный факт, что отстаивание прав национальных меньшинств может послужить поводом для перманентных конфликтов [Münkler, 2018].

В этой связи в статье рассмотрены оценки национально-территориальной трансформации России, представленные в общественно-политическом дискурсе США 1917–1922 гг., и их влияние на американскую политику на российском направлении. Предметом анализа стали суждения лишь определенной (как правило, либеральной) части политико-академического истеблишмента США, имевшей отношение к разработке официального курса Вашингтона. В ее составе помимо высшего политического руководства (президентов, государственных секретарей, дипломатов) оказались и отдельные специалисты по «русскому вопросу», которых привлекали к экспертным оценкам процессов, проходивших в России. За пределами авторского внимания остались представители законодательной власти США и широкие круги американской общественности, включая сторонников оппозиционного нелиберального лагеря. В их среде в тот период, естественно, велись собственные и довольно разнообразные дискуссии относительно национально-территориальной трансформации постреволюционной России. Тем не менее эти дискуссии в силу своих особенностей должны стать предметом специального исследования.

Россия в контексте национальной программы вильсонизма

Говоря об оценках в политико-академическом истеблишменте США национально-территориальной трансформации России в 1917–1922 гг., следует учитывать, что для официального Вашингтона определяющим интеллектуальным фактором понимания международных процессов были тогда теория и практика вильсонизма. По своей природе политическая концепция 28-го президента Соединенных Штатов Вудро Вильсона опиралась как на традиционные американские представления о мире (например, на убеждения о собственной исключительности), так и на европейскую либерально-демократическую традицию [Smith, 2017: 130–146]. Одним из ключевых положений вильсонизма, как правило, считают призывы президента к реализации принципа национального самоопределения. Правда, разработка такого положения политическим руководством США уже давно вызывает немало недоумений. Для Америки как страны, представляющей собой «плавильный котел», да еще и с

достаточно сильными к началу XX в. расистскими предубеждениями, этническое многообразие мира вряд ли могло стать простым вопросом в политической повестке дня периода Первой мировой войны и послевоенного мирного урегулирования. Автор статьи уже обращался к этому сюжету в своих публикациях [Романов, 2008; Romanov, 2019]. Детальный и многоаспектный анализ теоретических воззрений В. Вильсона по национальному вопросу представлен и в ряде других обстоятельных трудов отечественных и зарубежных исследователей [Мальков, 2010; Heater, 1994; Manela, 2007], поэтому обратимся лишь к политико-философской логике суждений президента США относительно проблем самоопределения.

Для В. Вильсона национальный вопрос всегда опирался на его понимание особенностей функционирования государственных институтов в той или иной стране. Отталкиваясь от американского опыта, В. Вильсон относил идеи свободы и народного суверенитета к числу базовых принципов любого демократического общества. Он разделял кальвинистскую доктрину равных возможностей и, стало быть, полагал, что все люди уже по своей природе способны к самоуправлению. Однако как убежденный социал-дарвинист В. Вильсон неоднократно говорил о том, что право самостоятельно распоряжаться своей судьбой, по сути, является привилегией здравомыслящих и достигших зрелости народов². Интересно посмотреть и на то, как В. Вильсон трактовал сам термин «нация». Он, например, указывал на различия в немецком и американском истолковании этого понятия. Немцы, считал он, видят в нации «сообщество, объединенное по происхождению и крови», американцы же подразумевают под нацией «сообщество, объединенное политическим устройством, образом жизни и традициями»³. Другими словами, нация, по В. Вильсону, — некий аналог гражданского общества, следовательно, под национальным самоопределением он понимал совсем не этническое обособление (как это было принято в Европе), а скорее право того самого гражданского сообщества на самоуправление.

---

² An address in Wilmington. 'Liberty'. 05.02.1897 // The papers of Woodrow Wilson / Ed. by A.S. Link et al. 69 vols. Princeton: Princeton University Press, 1966–1994 (далее — PWW). Vol. 10. P. 149; A political essay. 'Democracy and efficiency'. 01.10.1900 // PWW. Vol. 12. P. 10, 18.

³ Notes for lectures in a course on the elements of politics. 05.03.1898 // PWW. Vol. 10. P. 471.

Кроме того, вильсоновские суждения о перспективах национального самоопределения нельзя рассматривать в отрыве от исторических условий, в которых они были декларированы. В частности, многие исследователи указывают на стремление президента США в условиях Первой мировой войны противопоставить свою программу послевоенного урегулирования как авторитаризму Центральных держав, так и радикализму большевиков [Heater, 1994: 36–40]. Следовательно, право наций на самоопределение как политическая цель зачастую использовалась им (да и не только им одним) еще и в качестве инструмента борьбы с военно-политическими и идеологическими противниками.

Чрезвычайно важно оценить также степень понимания В. Вильсоном ситуации в России, в рамках которой он оценивал проблему национально-территориальной трансформации на пространстве Российской империи. В период своей академической карьеры будущий глава Белого дома, как известно, активно изучал не только американский, но и мировой опыт функционирования государственных институтов. Тем не менее можно смело сказать о том, что принстонский профессор не обладал глубокими познаниями ни в российской истории, ни в современной ему российской политике.

В своих научных работах В. Вильсон крайне редко и без каких-либо симпатий упоминал Россию. Это было связано прежде всего с тем, что основным объектом его научных интересов были традиции англосаксонской демократии, а Российская империя, как правило, присутствовала в них в качестве примера «авторитарного» монархического политического режима, «аномального» для современной Европы⁴. Данное обстоятельство дополнялось широко распространенным и однозначно негативным восприятием в США положения национальных меньшинств в России. Показательна, например, записка, подготовленная для МИД управляющим российским консульством в Сан-Франциско А.И. Кохановским в июне 1915 г. Он писал, что в Соединенных Штатах русских давно «привыкли ругать», поэтому в печати, на различных массовых мероприятиях продолжают звучать «оскорбления и наговоры» в адрес России. «В одних статьях изображается дикая жизнь русского народа; в других — жестокое правительство; в третьих — страдания евреев и финнов;

---

⁴ Wilson W. The state: Elements of historical and practical politics. Boston: D.C. Heath & Co., 1889. P. 597, 603.

в четвертых — безвыходное положение русских финансов; даже в похвалах России проводится мысль: “они так же далеки от нас, как китайцы и папуасы”». Такое положение дел А.И. Кохановский объяснял плохой осведомленностью американцев по поводу реального положения дел в Российской империи⁵.

Перспективы национально-территориальных изменений в России в годы Первой мировой войны оценивались в США, начиная с такого непростого национального вопроса для Российской империи, как польский. Этот вопрос на протяжении XIX в. не раз появлялся в повестке европейской политики, как правило, в контексте каких-либо антироссийских кампаний. Первая мировая война способствовала очевидной интернационализации обсуждения перспектив развития польской государственности. Из проблемы внутривнутриполитического развития России этот вопрос довольно быстро стал предметом международных столкновений. Их отправной точкой следует считать воззвание к полякам, опубликованное от имени Верховного главнокомандующего сухопутными и морскими силами Российской империи Великого князя Николая Николаевича в самом начале войны (1 августа 1914 г.).

В этом документе недвусмысленно указывалось на то, что целью войны станет объединение всех польских земель с последующим предоставлением Польше широкой автономии в составе Российской империи⁶. Политический и пропагандистский подтекст возвания был детально проанализирован в работах историков [Селезнёв, 2017]. Важно сказать и о том, что содержание данного документа вписывалось в логику российских представлений о контурах послевоенного европейского порядка. В частности, министр иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонов в неофициальной беседе с послами Франции и Великобритании в сентябре 1914 г. подчеркнул, что в случае победы союзных держав «территориальные изменения должны быть проведены на основах национального принципа». Касаясь будущего Польши, глава российского внешнеполитического ведомства еще раз отметил целесообразность присоединения к

⁵ Записка управляющего консульством в Сан-Франциско А.И. Кохановского в МИД, 10/23 июня 1915 // Россия и США: дипломатические отношения 1900–1917 / Под ред. А.Н. Яковлева. М.: МФД, 1999. С. 611–613.

⁶ Proclamation of the Supreme Commander-in-Chief [Grand Duke Nicholas], 01.08.1914 // Documents of Russian History, 1914–1917 / Ed. by F.A. Golder. N.Y.; London: Century Co., 1927. P. 37.

России польских земель, находившихся под контролем Германии и Австро-Венгрии⁷.

Американский общественно-политический дискурс по «польскому вопросу» был иным. Его направленность во многом была связана с тем, что в США присутствовала большая польская диаспора (по разным оценкам, от 1 до 2,5 млн человек) и активно действовали пропольские лоббисты. На территории Соединенных Штатов к 1914 г. были созданы авторитетные общественные этнические организации поляков, в распоряжении которых имелись собственные журналы и газеты. Всё это помогло сформировать в американском общественном мнении устойчивую симпатию к полякам и поддержку их борьбы за свободу, национальную независимость и единство своей родины [Walaszek, 1998]. Следует еще сказать и о том, что польская тематика оказалась одной из ключевых для генезиса глобальной программы президента В. Вильсона по национальному вопросу. Как точно отметила российская исследовательница В.И. Журавлёва, для него проблема самоопределения польского народа стала «способом реализации идеи об особой миссии США по защите прав малых наций Европы выбирать ту форму суверенитета, которую они сочтут наиболее достойной» [Журавлёва, 2004: 225].

В январе 1917 г., призывая к «миру без победы», президент В. Вильсон аргументировал свою позицию «простым» и, видимо, естественным для него «польским» примером: «Никакой мир не может и не должен быть прочным, если он не признает и не принимает того, что правительства получают все свои справедливые полномочия с согласия управляемых и что нигде не существует права передавать народы от суверенитета к суверенитету, как если бы они были имуществом. Я считаю само собой разумеющимся привести единственный пример: государственные деятели повсюду согласны с тем, что должна быть создана единая независимая и автономная Польша»⁸. В этой связи именно В. Вильсона сами поляки традиционно отождествляют с политиком, который в значительной степени способствовал возрождению независимой Польши [Kusielewicz, 1955]. Вильсоновская внешнеполитическая философия и польские устремления к самоопределению нашли логическое завершение в

⁷ Палеолог — Делькассе, 14/1 сентября 1914 г. // Международные отношения в эпоху империализма. Сер. III. Т. 6. Ч. 1. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. С. 247–248.

⁸ An address to the Senate, 22.01.1917 // PWW. Vol. 40. P. 536–537.

«14 пунктах», где были однозначно закреплены не только «независимость» польского государства, но и международные гарантии этого статуса⁹.

Таким образом, судьба Польши в США рассматривалась в контексте глобальной программы либеральной трансформации мирового порядка. Однако американское толкование «польского вопроса» принципиально отличалось от российских подходов. В России разговоры о национальном самоопределении в отношении тех или иных регионов империи зачастую рассматривались в контексте происков «врагов» страны. Об этом, например, писал член Совета МИД И.Я. Коростовец в своей записке о перспективах сближения России и США, указав, что серьезные расхождения в трактовках «польского вопроса» остаются важнейшим препятствием для встречного движения двух стран¹⁰.

Революция 1917 г.: начало либеральных преобразований или погружение в хаос

Начало Российской революции 1917 г. привело к очевидным трансформациям в американских представлениях о перспективах решения национальных проблем в новой России. Свержение царского самодержавия и приход к власти либерального Временного правительства в некоторой степени изменили вильсоновские подходы. Многие американцы тогда с восторгом встречали Российскую революцию, поскольку были уверены, что она открывала новые перспективы для успешного осуществления вильсоновских принципов справедливого послевоенного мира. Известный журналист Г. Бернштейн в письме В. Вильсону ссылался при этом на состав Временного правительства. Эти люди, подчеркивал он, «находятся под влиянием американских идеалов и руководствуются американскими традициями». Таким образом, по мнению Г. Бернштейна, «дух Америки» распространялся по всему миру¹¹.

В первые недели после Февраля американское общественное мнение в целом разделяло точку зрения о том, что события в России развивались по самому благоприятному сценарию. Публикации

⁹ An address to a Joint Session of Congress, 08.01.1918 // PWW. Vol. 45. P. 534–537.

¹⁰ Записка члена совета МИД И.Я. Коростовца, 26 января / 8 февраля 1917 г. // Россия и США: дипломатические отношения 1900–1917. С. 648.

¹¹ Bernstein to Wilson, 23.03.1917 // PWW. Vol. 41. P. 457.

наиболее авторитетных газет и журналов акцентировали внимание читателей прежде всего на процессе демократизации России, которая тем самым в полной мере «оправдала надежды ее друзей»¹². Все эти обстоятельства, безусловно, учитывали в Вашингтоне при принятии быстрого решения о признании новой «российской демократии», о чем американский посол в Петрограде был проинформирован уже 20 марта¹³. Позднее президент В. Вильсон в своем послании Конгрессу об объявлении войны Германии (2 апреля 1917 г.) завершил логику позитивных оценок произошедших изменений в России, назвав ее «подходящим партнером для Лиги чести»¹⁴.

С точки зрения решения национального вопроса Временное правительство, как казалось в США, уже в самом начале своей деятельности сделало ряд важных шагов в правильном направлении. В частности, было принято несколько правовых актов, отменивших все ограничения для российских граждан по сословному принципу, вероисповеданию или национальной принадлежности¹⁵. Была подтверждена конституционная автономия Финляндии, декларирована уверенность Временного правительства в том, что «создание независимого польского государства, образованного из всех земель, населенных в большинстве польским народом, [станет] надежным залогом прочного мира в будущей обновленной Европе»¹⁶. Правда, окончательное решение проблем самоопределения народов бывшей Российской империи предлагалось отложить до созыва Учредительного собрания.

В этих условиях официальный Вашингтон не пытался как-то обострять во взаимодействии с Временным правительством тему национальных отношений. Администрация В. Вильсона практически не заявляла о какой-либо четкой позиции относительно центробежных тенденций, проявлявшихся в бывшей империи. В частности, речь можно вести о действиях Центральной Рады Украины

---

¹² См.: The Outlook. 28.03.1917. P. 542–547; The North American Review. April 1917. P. 502–522; The New Republic. 07.04.1917. P. 286–288.

¹³ The Secretary of State to the Ambassador in Russia (Francis), 20.03.1917 // Papers relating to the foreign relations of the United States (далее — FRUS). 1918. Russia. Vol. 1. P. 12.

¹⁴ An address to a Joint Session of Congress. 02.04.1917 // PWW. Vol. 41. P. 524.

¹⁵ Сборник Указов и Постановлений Временного правительства. Вып. 1. 27 февраля — 5 мая 1917 г. Пг.: Гос. типогр., 1917. С. 8, 46–47.

¹⁶ Там же. С. 23–24, 423–424.

или Сейма Финляндии, в одностороннем порядке провозгласивших себя верховной властью на соответствующих территориях¹⁷. Тем не менее многие эксперты по России не раз указывали в тот период на сложность постановки вопроса о самоопределении на бывшем имперском пространстве. Так, в донесениях американского вице-консула в Москве Д. Макгована отмечалось, что помимо Польши и Финляндии движение под лозунгами национального суверенитета активно развивается еще и в таких регионах, как Прибалтика, Украина, Кавказ, Армения и даже Сибирь. Консул в Одессе Дж. Рей, описывая первомайскую демонстрацию в городе, точно охарактеризовал состояние национальной проблемы на юге. В рядах демонстрантов, подчеркивал он, сторонников единой демократической России сменяли поборники независимой Украины под двцветным знаменем и Молдавии — под трехцветным, а под стягом с имперским орлом по улицам города проследовал взвод казаков [Листиков, 2006: 70]. В этих условиях по вопросу о сохранении территориальной целостности Российского государства мнения ближайших советников президента В. Вильсона разделились.

Так, советник В. Вильсона полковник Э. Хауз рассматривал распад России как событие свершившееся. Вслед за возрождением независимой Польши он предполагал одобрить самостоятельность финнов, литовцев, латышей, возможно, и украинцев, Кавказ рассматривать как часть проблемы Турецкой империи, а на «мусульманскую Россию» (т.е. Среднюю Азию) выдать «ограниченный мандат для управления на основе протектората» одной из держав. А вот госсекретарь Р. Лансинг, симпатизировавший борьбе русских антибольшевистских сил за сохранение единства страны, предлагал президенту избегать скоропалительных решений, поскольку распад России мог оказаться лишь «временным»¹⁸.

Наверное, весь комплекс национальных проблем в революционной России оставался для официального Вашингтона не полностью понятным. Даже Украина в тот период была для американского истеблишмента своеобразной «зоной равнодушия» [Украинская

¹⁷ Революция и национальный вопрос: Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX веке / Под ред. С. М. Диманштейна. М.: Изд-во Ком. акад., 1930. С. 161–164, 211–214.

¹⁸ Архив полковника Хауза: В 4 т. Т. 4. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1937–1944. С. 151–153; The Secretary of State to President Wilson. 26.11.1918 // FRUS. The Paris Peace Conference, 1919. Vol. I. P. 270–271.

государственность в XX веке., 1996: 250–251], а ситуация в других регионах (например, в Закавказье или Средней Азии) — и вовсе *terra incognita*. Однако общая картина для специалистов складывалась, видимо, в своеобразный «клубок противоречий», из которого было трудно быстро найти выход. Кроме того, можно говорить еще и об определенной настороженности американцев к борьбе за самоопределение отдельных народов бывшей империи. Например, борьба украинцев за самостоятельность зачастую воспринималась в США как «гражданская война в единой России». В 1919 г. американский дипломат Ф. Полк так объяснял послу Украинской народной республики в Лондоне А. Марголину позицию американской администрации: «Украина представляет собой нечто вроде нашего Юга, а Россия в украинско-российском конфликте выступает в роли нашего Севера. Вот почему вся украинско-российская борьба напоминает нам американскую гражданскую войну»¹⁹.

Еще одним фактором, который влиял на отношение США к национальным процессам, проходившим в революционной России, стала активно заявлявшая о себе социалистическая альтернатива Февралю. Именно с ней были связаны самые радикальные лозунги революции. Это касалось в том числе перспектив национально-территориальной трансформации России. Так, буржуазно-либеральные партии Временного правительства (например, октябристы и кадеты), признавая равные для всех наций права, оставались всё же приверженцами единой и неделимой России, а вот в программных установках эсеров, меньшевиков и большевиков всегда присутствовало положение о праве наций на самоопределение. Заявляя о своих политических приоритетах, социалисты уже 14 марта 1917 г. инициировали принятие Петросоветом двух принципиальных обращений — «К народам мира» и «К польскому народу». Признавая принцип «национально-политического самоопределения народов», они однозначно подчеркивали, что «Польша имеет право быть совершенно независимой в государственно-международном отношении»²⁰. Правда, во время обсуждения этих документов на

¹⁹ Margolin A. From a political diary. Russia, the Ukraine, and America. 1905–1945. New York: Columbia University Press, 1946. P. 41.

²⁰ Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций 27 февраля — 25 октября 1917 года: В 5 т. / Под общ. ред. П.В. Волобуева. Т. 1. Л.: Наука, 1991. С. 324–325.

заседании совета прослеживался и еще один любопытный момент. Представители национальных регионов (например, Украины и Литвы) призвали депутатов поддержать стремление к независимости и других народов бывшей Российской империи. Вместе с тем литовский представитель сделал существенную оговорку: «Не думайте, товарищи, что мы от вас отъединимся. К такой стране, которой показала себя Россия, все будут всеми фибрами стремиться и рука об руку с ней бороться за свободу». По сути, приоритет решения национального вопроса в стране многим социалистам виделся тогда в создании «федеративной демократической республиканской России»²¹.

Случившийся Апрельский кризис и образование коалиционного министерства с очевидным социалистическим креном при сильном влиянии на него Петросовета были восприняты американскими политиками и дипломатами как решительное ухудшение перспектив политики США в России. Посол Д. Фрэнсис, консулы в Москве М. Саммерс, в Петрограде — Н. Уиншип, в Одессе — Дж. Рей отмечали негативные процессы, стремительно развивавшиеся в бывшей империи. К их числу они относили и новые факты обострения национального вопроса [Листиков, 2006: 100–103]. Интересный комментарий относительно надвигавшегося «русского хаоса» представлен в одной из публикаций Independent от 7 июля 1917 г.: «Первым последствием свержения самодержавия в России было всеобщее разложение. Различные народности, составлявшие Российскую империю, воспользовались возможностью заявить о своей независимости <...> без оглядки на других. Поляки, финны, литовцы, украинцы и грузины высказались за автономию, и даже отдельные городские коммуну вроде Кронштадта провозгласили себя независимыми республиками. От строгой регламентации и насильственного подчинения русский народ в один день перешел к неограниченной свободе, и было бы удивительно, если бы этим не стали бы злоупотреблять»²². При этом американцы уже тогда прогнозировали, что таким хаосом могут воспользоваться радикалы и анархисты (к числу которых относили и В.И. Ленина). Именно так и произошло в октябре 1917 г., когда власть оказалась в руках большевиков.

---

²¹ Там же. С. 318–321, 330.

²² Russian Chaos // Independent. 07.07.1917.

США и национальная политика большевиков

Очень быстро президент США увидел в большевиках потенциальных врагов того либерально-демократического миропорядка, который он хотел построить. Подписание ими сепаратного Брестского мира, подрывавшего общую «борьбу с авторитаризмом»; усиление курса на мировую революцию; разгон Учредительного собрания и начало «красного террора» — всё это изменило отношение американского руководства к большевистской власти. Именно в этих условиях в Вашингтоне приняли решение не признавать новое правительство России.

Важным обстоятельством, определившим отношение США к большевикам, стала и национальная политика новой власти. На первый взгляд казалось, что большевики наиболее последовательно воплощали в жизнь принцип национального самоопределения. Одним из первых их документов стала «Декларация прав народов России» (2/15 ноября 1917 г.), закрепившая их «равенство и суверенность», а также право «на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства»²³. На этом основании большевики сразу же поддержали провозглашение независимости Финляндией и Польшей, обратились с призывом к борьбе за свободу к народам Востока. Однако реальная национальная политика, которую направлял нарком И. Сталин, была довольно лицемерной. Показательным примером в этом отношении стала Финляндия. Сначала большевики признали ее независимость, провозглашенную Сеймом, но при этом поддержали левых социал-демократов, попытавшихся захватить власть, что фактически инициировало гражданскую войну в стране [Kirby, 1978]. Примерно так же большевики пытались добиваться своих целей и на территории других национальных окраин бывшей Российской империи (например, в Польше). Результатом такой двойственности стало практически повсеместное усиление сепаратистских настроений.

Тем не менее даже в этих условиях В. Вильсон не мог отказаться от своего благожелательного отношения к важнейшим завоеваниям Российской революции. Обращаясь к IV чрезвычайному Всероссийскому съезду Советов (13 марта 1918 г.), американский президент поддержал стремление русского народа «освободиться навсегда

---

²³ Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1959. С. 14–15.

от самодержавия и сделаться самому вершителем своей судьбы»²⁴. Все дальнейшие действия В. Вильсона в «русском направлении» (в том числе американское участие в интервенции и дискуссии на Парижской конференции) показывали его глубокое убеждение, что Россия, «переболев большевизмом», должна сама решить свои внутренние проблемы, а уже затем стать частью цивилизованного международного сообщества, сформированного на «либерально-демократических» принципах. Этим объясняется, почему при всех перипетиях Гражданской войны, частью которой была борьба различных народов бывшей империи за национальное самоопределение, администрация США не спешила признавать независимость отдельных территорий.

Ряд американских политиков в 1918–1919 гг. предпочитали говорить о бывшей Российской империи как о стране, которая фактически утратила единство. Более того, в перспективе данное обстоятельство, как считалось, могло бы предотвратить воссоздание России под властью «сильной военной личности», что стало бы очевидной «угрозой миру». Именно в этом контексте Э. Хауз еще в 1918 г. в неопубликованной части своего дневника писал о своем желании «видеть Сибирь независимой республикой, а Европейскую Россию — поделенной на три части» [цит. по: Фоглесонг, 1998: 603]. Правда, американский президент по пути на Парижскую мирную конференцию, соглашаясь с тем, что Россия расколота, всё же предлагал к каждой территории применять принцип национального самоопределения, выяснив, «под чей суверенитет [де-факто существующие] различные государства хотели бы перейти»²⁵. Но стратегически он всё равно надеялся на восстановление территориальной целостности России, «в которой различные регионы должны получить определенную степень автономии» с учетом, конечно, неперменного демократического транзита страны²⁶.

Однако к 1920 г. ситуация в Советской России стала меняться. Большевикам удалось одержать победу в Гражданской войне, произошла некоторая внутренняя стабилизация режима, обозначилась перспектива налаживания торгово-экономических отношений западных государств с Москвой. Одновременно с этим усилилось

---

²⁴ Там же. С. 212.

²⁵ Diary of Dr. Grayson. December 8, 1918 // PWW. Vol. 53. P. 338.

²⁶ Diary of Dr. Grayson. June 11, 1919 // PWW. Vol. 60. P. 387.

стремление большевиков с помощью созданного в 1919 г. Коминтерна расширять «экспорт революции» по всему миру. Данные обстоятельства стали для Вашингтона предметом самых серьезных размышлений. Американцев волновали тогда два главных вопроса: какую позицию занять относительно официального признания правительства большевиков и как быть с проблемой национального самоопределения ряда территорий бывшей Российской империи. Ведущую роль в деле осмысления новых реалий пришлось сыграть государственному секретарю Б. Колби, назначенному во внешнеполитическое ведомство США 23 марта 1920 г. Именно он подготовил проект известной ноты, ставшей ответом на запрос итальянского посольства относительно позиции США по советско-польской войне (10 августа 1920 г.).

Отправной точкой для него стала позиция президента, оглашенная 4 мая 1920 г. на заседании кабинета. Невзирая на определенное давление финансово-промышленных кругов, заинтересованных в российском рынке²⁷, В. Вильсон высказался тогда против каких-либо торговых отношений с большевиками. Эта позиция нашла отражение в итоговом тексте ноты. Очень резко в ней было сказано по поводу развернувшейся деятельности Коминтерна, который субсидировался Москвой и «открыто ставил своей целью содействие проведению большевистских революций по всему миру». В этой связи Б. Колби привел еще один довод против установления официальных отношений с Советской Россией. По его мнению, большевистские дипломаты станут «каналом интриг и пропаганды мятежа против институтов и законов страны»²⁸.

Наиболее дискуссионным для американских политиков тогда оставался вопрос о территориальной целостности России. Несмотря на абсолютную, как всем казалось, приверженность принципу самоопределения наций, В. Вильсон продолжал подчеркивать необходимость восстановления единой демократической федеративной России, в которой все народы могли бы иметь национальную автономию. Эта точка зрения была отчетливо выражена, например, в письме, которое направил еще бывший госсекретарь Р. Лансинг

---

²⁷ Об этом не раз сообщали в Москву, например, сотрудники миссии Л.К. Мартенса. См.: Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 129. Оп. 4. П. 3. Д. 3. Л. 18–19.

²⁸ The Secretary of State to Italian Ambassador (Avezzana). August 10, 1920 // FRUS. 1920. Vol. III. P. 464.

Литовскому национальному совету 15 октября 1919 г.²⁹ Ссылаясь на этот документ, Б. Колби подтвердил в своей августовской ноте: США не желают, чтобы Россия, «находящаяся в беспомощном состоянии, <...> была бы еще более ослаблена политикой расчленения, служащей чьим-то другим, но не русским интересам»³⁰. В этой связи он обращал внимание на твердое намерение США не признавать независимость балтийских государств, Грузии и Азербайджана. Даже окончательное решение проблемы Армении, по мнению госсекретаря, не могло быть найдено без России.

Как показывает содержание ноты, Б. Колби в очередной раз выразил глубокое убеждение В. Вильсона в том, что Россия преодолет большевистский этап своей истории, который связан с сохранением «анархии, страданий и лишений». Именно это, по заверению госсекретаря, позволит «возрожденной, свободной и единой России вновь занять главенствующее положение в мире, объединившись с другими свободными народами в деле поддержания мира и справедливости»³¹. Тем самым администрация Соединенных Штатов, оставаясь в целом идейной противницей большевиков, сумела всё же отстоять понимание геополитической целесообразности сохранения единства России.

Нельзя не сказать о том, что при подготовке указанного документа Б. Колби во многом опирался на идеи, высказанные известным американским публицистом Дж. Спарго [Radosh, 1965]. Он считался в ту пору одним из самых квалифицированных экспертов в США по русской проблематике. По своим воззрениям Дж. Спарго был правым социалистом и критически относился к большевизму, который квалифицировал как «милитаризм, доведенный до безумия». Тем не менее эксперт понимал, что Россия объективно оставалась важным элементом всего послевоенного устройства мира. Следовательно, перспективы ее распада, или, как он говорил, «балканизации», представляли серьезную опасность как для США, так и для всех других стран. Лучшим решением российской национальной проблемы, по мнению Дж. Спарго, стало бы сохранение федеративного единства России при формировании областной автономии отдельных регио-

²⁹ Lansing to Lithuanian National Council. October 15, 1919 // PWW. Vol. 66. P. 25.

³⁰ The Secretary of State to Italian Ambassador (Avezzana). August 10, 1920 // FRUS. 1920. Vol. III. P. 466-467.

³¹ Ibid. P. 467.

нов³². Как видим, все эти аргументы нашли почти дословное отражение в письме, направленном Госдепартаментом итальянскому послу.

Другими словами, нота не стала манифестом, призывавшим к прямой конфронтации с большевизмом. Это обстоятельство не могли не отметить даже советские руководители, в частности Г.В. Чичерин. Архивные материалы, отразившие ход подготовки официального ответа Москвы на ноту Б. Колби, демонстрируют, что нарком обращал тогда особое внимание на сохранявшиеся различия по отношению к перспективам территориального расчленения России, которые имелись между США и европейскими державами³³. Правда, нельзя забывать и о другом. Американская администрация не отказывалась от обсуждения перспектив национального самоопределения отдельных территорий на окраинах бывшей империи. В частности, в переписке Госдепартамента по вопросу признания Литвы в январе 1921 г. было подчеркнуто, что у США «нет намерения официально восстановить» прежние границы Российской империи или «навязать на какой-либо из нерусских территорий власть великороссов»³⁴. При этом приоритетом для Вашингтона оставались достижение «умиротворения» и прекращение военных конфликтов в приграничном с Советской Россией пространстве.

Образование СССР в американских оценках

Подходы В. Вильсона во многом определили вектор дальнейшей американской политики по отношению к национально-территориальной трансформации России даже после его ухода с должности президента. В частности, администрация его преемника У. Гардинга, в очередной раз отказываясь не только от признания Советской России, но и от возобновления с ней каких-либо официальных торговых отношений, почти дословно использовала аргументы В. Вильсона³⁵. При этом в начале 1920-х годов в американском общественно-политическом дискурсе усилилась «демонизация» большевиков и Страны Советов в целом. Главными доводами такой политики оставались

³² Spargo J. The psychology of Bolshevism. New York: Harper & brothers publishers, 1919; Idem. Russia as an American problem. New York: Harper & brothers publishers, 1920.

³³ АВП РФ. Ф. 129. Оп. 4. П. 3. Д. 2. Л. 21–22; ДВП СССР. Т. 3. С. 172–173.

³⁴ Mr. Jonas Vileisis to the Secretary of State. January 27, 1921 // FRUS. 1921. Vol. II. P. 754.

³⁵ The Secretary of State to the President of the American Federation of Labor (Gompers). April 5, 1921 // FRUS. 1921. Vol. II. P. 770–774.

революционные намерения Коминтерна, действие «советской пропаганды» и активная борьба большевиков с традиционными для американцев ценностями (например, религией) [Foglesong, 2007: 556–562]. Национальная проблематика в дискурсе о России стала постепенно уходить на второй план, хотя в различных официальных материалах и публицистике по-прежнему присутствовали рассуждения о возможном федеративном объединении всех бывших национальных регионов страны после падения большевистского режима.

Вызывает интерес, например, аналитическая записка неофициального представителя США в Риге Э. Янга, направленная в Госдепартамент в связи с обсуждением ситуации в Прибалтике. Американский эксперт писал о том, что нецелесообразно оценивать «нравственную оправданность» действий латышей, эстонцев и литовцев, «провозгласивших свою независимость в час слабости России», ведь, пойдя на такой шаг, эти народы сумели сохранить, «по крайней мере на этой части бывшей Российской империи, территорию, свободную от опустошения и разрушения коммунизмом и большевизмом». В дальнейшем Э. Янг не исключал возвращения прибалтийских земель в состав постбольшевистской России. Признавая, что, с точки зрения США, сильная Россия весьма желательна, он высказывался всё же за «немедленное признание» Литвы, Латвии и Эстонии³⁶. Наверное, для трех балтийских стран такая двойственная позиция США была не очень понятной [Vilkauskaitė, 2013: 50–67]. Но она в полной мере отражала общий настрой администрации У. Гардинга по возможности продолжить вильсоновский курс на сохранение территориального единства бывшей Российской империи, правда, в формате демократического и федеративного государства, отказавшегося от большевизма.

Оценивая деятельность миссии США в Риге, ключевого центра американской экспертизы по Советской России в 1920-х годах, можно сказать о том, что ход национально-территориальной трансформации на пространстве бывшей империи всё же не стал предметом серьезной аналитической работы ее сотрудников. Об этом говорит, например, тематика писем, направленных из Риги в Госдепартамент. Из их числа, по подсчетам исследователей, почти половина были посвящены экономическим процессам. Политическая проблематика

---

³⁶ The Commissioner at Riga (Young) to the Secretary of State. April 6, 1922 // FRUS. 1922. Vol. II. P. 870–873.

была представлена вопросами внешней политики, деятельности административных органов, судебных инстанций, церкви [Grant, 1978: 111–112]. Довольно странно, что почти не анализировался ход развернувшейся тогда в РКП(б) дискуссии относительно предполагаемых изменений национально-государственного устройства.

Да и в американской периодике 1921–1923 гг. русская тема стала терять былую актуальность. Во всяком случае, количество публикаций на этот счет оказалось наименьшим по сравнению со всеми другими периодами межвоенной истории [Filene, 1967: 287–288]. Как в этих публикациях оценивались национальные проблемы в Советской России? В одной из статей справочного характера, опубликованной в журнале «Foreign Affairs» в сентябре 1922 г., РСФСР квалифицировалась как «федерация государств и более или менее автономных областей с общей таможенной линией и некоторыми общими органами управления». Контроль центральной власти над 24 различными национально-территориальными образованиями (среди которых «независимые» и «автономные» республики, «автономные области» и даже «трудовые коммуны») справедливо обозначен как «значительно варьирующий в зависимости от времени и обстоятельств». Среди этих образований названы и Дальневосточная республика, и даже Сибирь, статус которой для автора был, правда, «неочевиден»³⁷. В какой-то мере эта картина отражала существовавшие на заключительном этапе Гражданской войны де-факто «правительства».

Другие статьи того же журнала носили уже более аналитический характер. Так, из их числа можно выделить публикацию, где даны оценки различных международных и внутривнутриполитических аспектов положения России после Генуэзской и Гаагской конференций 1922 г., в работе которых впервые принимали участие официальные советские делегации. Сам этот факт автор статьи оценивал как свидетельство определенной политической и экономической стабилизации большевистского режима, признанной в мире. Не были обойдены вниманием и возможные перспективы самоопределения некоторых российских регионов. В частности, интересное и актуальное даже для наших дней мнение было высказано относительно международного контекста обсуждавшейся независимости Украины. Автор предпо-

---

³⁷ Lawrence M. Russia today // Foreign Affairs. Vol. 1. No. 1 (September 15, 1922). P. 156–157.

ложил, что для Польши или Румынии самостоятельная Украина, может быть, и стала бы буфером между ними и Советской Россией, но она неизбежно оказалась бы под влиянием крайне националистических кругов, которые стали бы требовать от восточноевропейских соседей возврата всех своих украинских территорий «с большей настойчивостью и суровостью, чем это делает Москва»³⁸. Другими словами, для американского эксперта был очевиден прогноз, что самоопределение Украины могло бы послужить лишь обострению ситуации в регионе.

Анализируя противоречия, которые уже дали о себе знать на пространстве национальных окраин бывшей Российской империи, ряд авторов писали о польско-литовской конфронтации, квалифицируя ее как «тупиковую», не имевшую каких-либо перспектив для быстрого разрешения³⁹. Известный американский ученый и в прошлом сотрудник Inquiry Р. Лорд рассмотрел не только современное состояние польско-литовского конфликта, но и его исторические корни. Этот конфликт, по словам автора, демонстрировал, насколько сложно в реальной политике соединить «исторические права и чувства с требованиями, основанными на принципе национальности и на том, что является волей заинтересованного населения»⁴⁰. Этот же вывод, по сути, был представлен и в другой статье, посвященной уже теоретическим проблемам национализма. Ее автором был историк и международник А. Циммерн. По его словам, вильсоновский призыв к национальному самоопределению допускал «множество интерпретаций». Именно по этой причине он применялся в отдельных политических условиях по-разному: «...он помог разрушить Австро-Венгерскую империю, но оставил трехнациональную Швейцарию нетронутой; это развалило Россию, но <...> не принесло независимости ни Армении, ни Украине». Борьбу за дело самоопределения А. Циммерн назвал «безнадежной борьбой за несбыточный идеал»⁴¹.

³⁸ K. Russia after Genoa and the Hague // Foreign Affairs. Vol. 1. No. 1 (September 15, 1922). P. 151.

³⁹ Lithuania under two governments // Current History. Vol. 16 (April–September 1922). P. 151.

⁴⁰ Lord R.H. Lithuania and Poland // Foreign Affairs. Vol. 1. No. 4 (June 15, 1923). P. 58.

⁴¹ Zimmern A.E. Nationalism and internationalism // Foreign Affairs. Vol. 1. No. 4 (June 15, 1923). P. 122–124.

Таким образом, анализ обсуждения всего лишь небольшого круга проблем национально-территориальной трансформации на пространстве бывшей Российской империи, представленного на страницах американских общественно-политических журналов в начале 1920-х годов, показывает, что эти материалы вписывались в логику развернувшихся тогда дискуссий о Версальской системе международных отношений и судьбах вильсонизма. При всей очевидности и, казалось бы, всеобщем консенсусе относительно ценности принципа национального самоопределения реальная политика в Европе (не говоря уже о ситуации в Азии или Африке) оказалась значительно сложнее теоретических построений творцов либерального миропорядка. Тем не менее альтернативный опыт решения национальных проблем в Советской России практически выпал из фокуса внимания экспертов.

Речь идет, в частности, о создании СССР, ставшего, бесспорно, новой моделью национально-территориального объединения земель бывшей Российской империи. Ни в американской периодике, ни в доступных материалах дипломатической службы США 1922–1923 гг. так и не удалось выявить каких-либо серьезных и обстоятельных материалов о формате нового Союза. Видимо, это не очень интересовало политиков и интеллектуалов эпохи «нормальности».

Определенным подтверждением такого вывода может стать публикация журнала «The North American Review». Ее автор, профессор Кларкского университета А. Деннис, однозначно заявлял: «Вся проблема внутрисоветской политики нас непосредственно не касается. Правительство России — не наше дело». При этом неизменными, как отмечено в статье, оставались американские требования по ключевому вопросу — признанию России⁴². Требования, на которые ссылался автор, были выдвинуты еще в период президентства В. Вильсона и практически дословно повторены госсекретарем республиканской администрации Ч. Хьюзом⁴³. Они, как уже говорилось, сводились к отказу от «коминтерновской» линии внешней политики, компенсации частной собственности американцев, экспроприированной в годы революции, и признанию всех внешних долгов России периода Первой мировой войны. Всё это даже и не предполагалось как-то

⁴² Dennis A.L.P. Characteristics of Bolshevik diplomacy // The North American Review. Vol. 218. No. 816 (November 1923). P. 606.

⁴³ Press release issued by the Department of State/ March 21, 1923 // FRUS. 1923. Vol. II. P. 756–759.

обсуждать с советским правительством. Такой подход, конечно, не позволял официальному Вашингтону обращать серьезное внимание на то, как большевики решали национальный вопрос в создаваемом тогда Советском Союзе.

Однако среди американских экспертов по России были и те, кто пытался осмыслить формат национально-территориального устройства созданного СССР. Например, можно обратиться к суждениям известного американского журналиста У. Дюранти, который с 1922 г. руководил московским бюро «The New York Times» [Тихий, 2008]. Он вспоминал, что американцев, проживавших тогда в Советской России, больше всего «озадачило» положение Конституции СССР о возможности выхода республик из Союза. Сотрудник отдела печати Наркомата иностранных дел, с которым у У. Дюранти и его коллег состоялся разговор на этот счет, сослался не только на необходимость закрепления «права на самоопределение». Он указал еще и на то, что составители Конституции предполагали закрепить тем самым возможность расширения Союза в будущем: «Мы предвкушаем время, когда другие страны, может быть, не соседствующие непосредственно территориально, как Германия или Англия, или даже, может быть, Америка, возможно, пожелают стать членом нашего Советского Союза». У. Дюранти писал, что он был впечатлен такими «дерзким замечанием», поскольку оно отражало совершенно новый подход к перспективам построения универсального мироустройства⁴⁴. Данный пример показывает, что американцы, интересовавшиеся положением дел в Советском Союзе, не могли не замечать особенностей нового формата национально-территориального устройства. Показательно, что при всех понятных оговорках о реалиях советской истории того времени ряд таких особенностей демонстрировал стремление большевиков к преодолению известных ограничений, действовавших в этих вопросах в самих США. К их числу можно отнести и закрепление «сецессии» национальных республик, и более широкое толкование национального равенства, и социальную составляющую развития национальных территорий. Пожалуй, можно согласиться с трактовкой курса большевиков как «государственного эволюционизма», который был советской версией цивилизаторской миссии в отсталых национальных окраинах [Hirsch, 2005: 7–8].

⁴⁴ Dutanty W. I write as I please. New York: Simon and Schuster, 1935. P. 196–198.

* * *

Таким образом, в 1917–1922 гг. Соединенные Штаты Америки активно реагировали на возникавшие в тот период национальные проблемы на пространстве бывшей Российской империи. Это было связано с тем, что дезинтеграция европейских империй и борьба за самоопределение, по сути, сформировали один из ключевых вопросов международной повестки после окончания Первой мировой войны. Позиция официального Вашингтона и преваляровавших в общественном дискурсе либеральных кругов американского академического сообщества во многом определялась тогда глубоким убеждением в том, что решение любых национальных проблем тесно связано с мировым демократическим транзитом. Однако в реальной политике администрации президентов В. Вильсона и У. Гардинга демонстрировали значительную диверсификацию подходов. Так, поддержка независимости Польши и, отчасти, Финляндии была связана как с особым статусом этих территорий на европейском пространстве, так и с осознанием готовности их народов к самостоятельному развитию. В других случаях многочисленным национальным меньшинствам бывшей Российской империи (народам Прибалтики, украинцам, белорусам, армянам, грузинам, азербайджанцам, народам Средней Азии и др.) чаще всего предлагалось отстаивать свою автономию в рамках единой и демократической России. На наш взгляд, свою роль в такой позиции сыграла боязнь американцев, что неограниченная дезинтеграция превратит Россию в зону непрекращающихся этнических конфликтов. Другими словами, очевидный «идеализм» программы национального самоопределения, которую отстаивали США после окончания Первой мировой войны, на практике дополнялся существенным реалистическим пониманием не только национальных интересов отдельных народов, но и перспектив стабильного развития всей системы международных отношений. Но очевидно было и другое: главную роль в американских оценках национально-территориальной трансформации России в постреволюционную эпоху сыграло абсолютное неприятие «нового мира» по-большевистски. Вряд ли либеральные представители политико-академического сообщества Соединенных Штатов, особенно в годы «нормальности», хотели и могли понимать всю полноту национальных процессов в СССР в условиях жесткого противостояния различных социально-экономических систем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «14 пунктов» Вильсона сто лет спустя: как переизобрести мировой порядок. М.: Центр стратегических разработок, 2018.
2. Журавлёва В.И. Национально-религиозный вопрос в российско-американских отношениях в период Первой мировой войны // Американский ежегодник. 2004. № 2002. С. 215–243.
3. Летняков Д.Э. Советское как имперское: попытка проблематизации // Политика и общество. 2018. № 1. С. 62–71. DOI: 10.7256/2454-0684.2018.1.25409.
4. Листиков С.В. «Недоверчивая сдержанность Вильсона»: американская дипломатия в поисках «русской политики», 1917–1918 годы // Новая и новейшая история. 2020. № 2. С. 192–203. DOI: 10.31857/S013038640008666-0.
5. Листиков С.В. США и революционная Россия в 1917 г.: к вопросу об альтернативах американской политики от Февраля к Октябрю. М.: Наука, 2006.
6. Мальков В.Л. Вудро Вильсон и его «принцип национальностей»: взгляд из современности // Новая и новейшая история. 2010. № 6. С. 104–111.
7. Нарочницкая Н.А. Русская революция и мир в XX столетии: через призму «русского вопроса» на Парижской мирной конференции // Перспективы. 2017. № 4 (12). С. 7–37.
8. Новая имперская история постсоветского пространства / Под ред. И.В. Герасимова и др. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004.
9. Романов В.В. Вудро Вильсон о национальном самоопределении // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. № 4 (1). С. 30–38.
10. Севостьянов Г.Н. Москва — Вашингтон: на пути к признанию. 1918–1933. М.: Наука, 2004.
11. Селезнёв Ф.А. Воззвание великого князя Николая Николаевича к полякам 1 (14) августа 1914 года // Славяноведение. 2017. № 5. С. 28–41.
12. Тихий К.Т. Уолтер Дюранти о Советском Союзе: мифы и реальность // Новая и новейшая история. 2008. № 5. С. 203–214.
13. Украинская государственность в XX веке (историко-политологический анализ) / Под ред. А. Дергачёва. Киев: Політична думка, 1996.
14. Фоглесонг Д.С. Соединенные Штаты, проблема самоопределения наций и борьба против большевиков в Прибалтике. 1918–1920 // Первая мировая война: пролог XX века / Отв. ред. В.Л. Мальков. М.: Наука, 1998. С. 602–626.
15. Ambrosius L.E. Dilemmas of national self-determination: Woodrow Wilson's legacy // Ambrosius L.E. Wilsonianism: Woodrow Wilson and his legacy in American foreign affairs. New York: Palgrave Macmillan, 2002. P. 125–134. DOI: 10.1057/9781403970046_10.

16. Filene P.G. *Americans and the Soviet experiment, 1917–1933*. Cambridge: Harvard University Press, 1967.

17. Foglesong D.S. *The American mission and the 'evil empire': The crusade for a 'free Russia' since 1881*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

18. Grant N. *The Russian section: A window on the Soviet Union* // *Diplomatic History*. 1978. No. 2. P. 107–115. DOI: 10.1111/j.1467-7709.1978.tb00425.x.

19. Heater D. *National self-determination: Woodrow Wilson and his legacy*. New York: St. Martin's, 1994.

20. Hirsch F. *Empire of nations: Ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union*. Ithaca: Cornell University Press, 2005.

21. Kirby D.G. *Revolutionary ferment in Finland and the origins of the Civil War 1917–1918* // *Scandinavian Economic History Review*. 1978. Vol. 26. No.1. P. 15–35. DOI: 10.1080/03585522.1978.10407894.

22. Kusielewicz E. *Woodrow Wilson and the rebirth of Poland* // *Polish American Studies*. 1955. Vol. 12. No. 1/2. P. 1–10.

23. Lynch A. *Woodrow Wilson and the principle of 'national self-determination': A reconsideration* // *Review of International Studies*. 2002. Vol. 28. No. 2. P. 419–436.

24. Manela E. *The Wilsonian moment: Self-determination and the international origins of anticolonial nationalism*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2007.

25. Martin T. *The affirmative action empire: Nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2001.

26. Münkler H. *The proclamation of the right of peoples to self-determination and its present-day repercussions* // *Aspen Review Central Europe*. 2018. No. 1. P. 26–32.

27. Pipes R. *The formation of the Soviet Union. Communism and nationalism, 1917–1923*. Cambridge: Harvard University Press, 1954.

28. Radosh R. *John Spargo and Wilson's Russian policy, 1920* // *Journal of American History*. 1965. Vol. 52. No. 4. P. 548–565.

29. Rolf M. *Nationalizing an empire: The Bolsheviks, the nationality question, and policies of indigenization in the Soviet Union (1917–1927)* // *The First World War and the nationality question in Europe: Global impact and local dynamics* / Ed. by X.M. Seixas. Leiden; Boston: Brill, 2021. P. 65–86.

30. Romanov V. *American interpretations of the national-territorial settlement in Central and South-Eastern Europe at the Paris Peace Conference of 1919–1920: The way to resolve old contradictions?* // *The Paris Peace Conference (1919–1920) and its aftermath: Settlements, problems and perceptions* / Ed. by S. Arhire, T. Rosu. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2019. P. 19–28.

31. Saul N.E. *War and revolution: The United States and Russia, 1914–1921*. Lawrence: University Press of Kansas, 2001.

32. Smith T. *Why Wilson matters: The origin of American liberal internationalism and its crisis today*. Princeton: Princeton University Press, 2017.
33. *A State of nations: Empire and nation-making in the age of Lenin and Stalin* / Ed. by R.G. Suny, T. Martin. Oxford: Oxford University Press, 2001.
34. Thompson J.M. *Russia, Bolshevism and the Versailles Peace Conference*. Princeton: Princeton University Press, 1966.
35. Tooze A. *Deluge: The Great War and the remaking of global order, 1916–1931*. New York: Viking, 2014.
36. Unterberger B.M. *Woodrow Wilson and the Russian revolution // Woodrow Wilson and a revolutionary world, 1913–1921* / Ed. by A.S. Link. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982. P. 49–104.
37. Vilkauskaite D.O. *From empire to independence: The curious case of the Baltic states 1917–1922* // Honors Scholar Theses. 2013. No. 325. Available at: https://opencommons.uconn.edu/srhonors_theses/325 (accessed: 27.02.2022).
38. Walaszek A. *Polish immigrants in the USA and their homeland, 1914–1923* // *Društvena Istraživanja: Journal for General Social Issues*. 1998. No. 7 (1). P. 89–108.
39. Wolf L. *Woodrow Wilson and the reimagining of Eastern Europe*. Stanford: Stanford University Press, 2020.

REFERENCES

1. *‘14 punktov’ Vil’sona sto let spustya: kak pereizobresti mirovoi poryadok*. 2018. [Woodrow Wilson’s fourteen points 100 years on: Rethinking the liberal world order]. Moscow, Tsentr strategicheskikh razrabotok Publ. (In Russ.)
2. Zhuravleva V.I. 2004. *Natsional’no-religiozniy vopros v rossiisko-amerikanskikh otnosheniyakh v period Pervoi mirovoi voyny* [The national-religious question in the Russian-American relations during World War I]. *Amerikanskiy ezhegodnik*, no. 2002, pp. 215–243. (In Russ.)
3. Letnyakov D.E. 2018. *Sovetskoe kak imperskoe: popytka problematizatsii* [Soviet as imperial: An attempt of problematization]. *Politika i obshchestvo*, no. 1, pp. 62–71. DOI: 10.7256/2454-0684.2018.1.25409. (In Russ.)
4. Listikov S.V. 2020. *‘Nedoverchivaya sderzhannost’ Vil’sona’: amerikanskaya diplomatiya v poiskakh ‘russkoi politiki’, 1917–1918 gody* [‘Wilson’s mistrustful restraint’: American diplomacy search of a Russian policy, 1917–1918]. *Modern and Contemporary History*, no. 2, pp. 192–203. DOI: 10.31857/S013038640008666-0. (In Russ.)
5. Listikov S.V. 2006. *SSHА i revolyutsionnaya Rossiya v 1917 g.: k voprosu ob al’ternativakh amerikanskoi politiki ot Fevralya k Okt’yabryu* [The USA and revolutionary Russia in 1917. On alternatives in American policy from February to October]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

6. Mal'kov V.L. 2010. Vudro Vil'son i ego 'printsip national'nostei': vzglyad iz sovremennosti [Woodrow Wilson and his 'principle of nationalities': A sight from the present]. *Modern and Contemporary History*, no. 6, pp. 104–111. (In Russ.)

7. Narochnitskaya N.A. 2017. Russkaya revolyutsiya i mir v XX stoletii: cherez prizmu 'russkogo voprosa' na Parizhskoi mirnoi konferentsii [The Russian revolution and the world in the twentieth century: Viewed in the context of the Russian question at the Paris Peace Conference]. *Perspectivy*, no. 4 (12), pp. 7–37. (In Russ.)

8. Gerasimov I.V. et al. (eds.). 2004. *Novaya imperskaya istoriya postsovetского prostranstva* [New imperial history of the Post-Soviet space]. Kazan', Tsentr issledovaniy natsionalizma i imperii Publ. (In Russ.)

9. Romanov V.V. 2008. Vudro Vil'son o natsional'nom samoopredelenii [Woodrow Wilson on national self-determination]. *Vestnik Vaytskogo gumanitarnogo universiteta*, no. 4 (1), pp. 30–38. (In Russ.)

10. Sevost'yanov G.N. 2004. *Moskva — Vashington: na puti k priznaniyu* [Moscow — Washington: On the road to recognition. 1918–1933]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

11. Seleznev F.A. 2017. Vozzvanie velikogo knyazya Nikolaya Nikolaevicha k polyakam 1(14) avgusta 1914 goda [Appeal of Grand Duke Nikolai Nikolaevich to the Poles on August 1 (14), 1914]. *Slavyanovedenie*, no. 5, pp. 28–41. (In Russ.)

12. Tikhyy K.T. 2008. Uolter Duranty o Sovetskom Soyuze: mify i real'nost [Walter Duranty on the Soviet Union: Myths and reality]. *Modern and Contemporary History*, no. 5, pp. 203–214. (In Russ.)

13. Dergachev O. (ed.). 1996. *Ukrainskaya gosudarstvennost' v XX stoletii (istoriko-politicheskiy analiz)* [Ukrainian statehood in the 20th century (Historical and political analysis)]. Kyiv, Politichna Dumka Publ. (In Russ.)

14. Foglesong D.S. 1998. Soedinennyye Shtaty, problema samoopredeleniya natsii i bor'ba protiv bol'shevikov v Pribaltike. 1918–1920 [The United States, self-determination and the struggle against Bolshevism in the Eastern Baltic Region, 1918–1920]. In: Mal'kov V.L. (ed.). *Pervaya mirovaya voyna. Prolog 20 veka*. Moscow, Nauka Publ., pp. 602–626. (In Russ.)

15. Ambrosius L.E. 2002. Dilemmas of national self-determination: Woodrow Wilson's legacy. In: Ambrosius L.E. *Wilsonianism: Woodrow Wilson and his legacy in American foreign affairs*. New York, Palgrave Macmillan, pp. 125–134.

16. Filene P.G. 1967. *Americans and the Soviet experiment, 1917–1933*. Cambridge, Harvard University Press.

17. Foglesong D.S. 2007. *The American mission and the 'evil empire': The crusade for a 'free Russia' since 1881*. Cambridge, Cambridge University Press.

18. Grant N. 1978. The Russian section: A window on the Soviet Union. *Diplomatic History*, no. 2, pp. 107–115. DOI: 10.1111/j.1467-7709.1978.tb00425.x.

19. Heater D. 1994. *National self-determination: Woodrow Wilson and his legacy*. New York, St. Martin's.

20. Hirsch F. 2005. *Empire of nations: Ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union*. Ithaca, Cornell University Press.

21. Kirby D.G. 1978. Revolutionary ferment in Finland and the origins of the Civil War 1917–1918. *Scandinavian Economic History Review*, vol. 26, no. 1, pp. 15–35. DOI: 10.1080/03585522.1978.10407894.

22. Kusielewicz E. 1955. Woodrow Wilson and the rebirth of Poland. *Polish American Studies*, vol. 12, no. 1/2, pp. 1–10.

23. Lynch A. 2002. Woodrow Wilson and the principle of ‘national self-determination’: A reconsideration. *Review of International Studies*, vol. 28, no. 2, pp. 419–436.

24. Manela E. 2007. *The Wilsonian moment: Self-determination and the international origins of anticolonial nationalism*. Oxford; New York, Oxford University Press.

25. Martin T. 2001. *The affirmative action empire: Nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca; London, Cornell University Press.

26. Münkler H. 2018. The proclamation of the right of peoples to self-determination and its present-day repercussions. *Aspen Review Central Europe*, no. 1, pp. 26–32.

27. Pipes R. 1954. *The formation of the Soviet Union. Communism and nationalism, 1917–1923*. Cambridge, Harvard University Press.

28. Radosh R. 1965. John Spargo and Wilson’s Russian policy, 1920. *Journal of American History*, vol. 52, no. 4, pp. 548–565.

29. Rolf M. 2021. Nationalizing an empire: The Bolsheviks, the nationality question, and policies of indigenization in the Soviet Union (1917–1927). In: Seixas X.M. (ed.). *The First World War and the nationality question in Europe: Global impact and local dynamics*. Leiden; Boston: Brill, pp. 65–86.

30. Romanov V. 2019. American interpretations of the national-territorial settlement in Central and South-Eastern Europe at the Paris Peace Conference of 1919–1920: The way to resolve old contradictions? In: Arhire S., Rosu T. (eds.). *The Paris Peace Conference (1919–1920) and its aftermath: Settlements, problems and perceptions*. Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publishing, pp. 19–28.

31. Saul N.E. 2001. *War and revolution: The United States and Russia, 1914–1921*. Lawrence, University Press of Kansas.

32. Smith T. 2017. *Why Wilson matters: The origin of American liberal internationalism and its crisis today*. Princeton, Princeton University Press.

33. Suny R.G., Martin T. (eds.). 2001. *A State of nations: Empire and nation-making in the age of Lenin and Stalin*. Oxford, Oxford University Press.

34. Thompson J.M. 1966. *Russia, Bolshevism and the Versailles Peace Conference*. Princeton, Princeton University Press.

35. Tooze A. 2014. *Deluge: The Great War and the remaking of global order, 1916–1931*. New York, Viking.

36. Unterberger B.M. 1982. Woodrow Wilson and the Russian revolution. In: Link A.S. (ed.). *Woodrow Wilson and a revolutionary world, 1913–1921*. Chapel Hill, University of North Carolina Press, pp. 49–104.

37. Vilkauskaitė D.O. 2013. From empire to independence: The curious case of the Baltic states 1917–1922. *Honors Scholar Theses*, no. 325. Available at: https://opencommons.uconn.edu/srhonors_theses/325 (accessed: 27.02.2022).

38. Walaszek A. 1998. Polish immigrants in the USA and their homeland, 1914–1923. *Društvena Istraživanja: Journal for General Social Issues*, no. 7 (1), pp. 89–108.

39. Wolf L. 2020. *Woodrow Wilson and the reimagining of Eastern Europe*. Stanford, Stanford University Press.

Статья поступила в редакцию 28.02.2022; одобрена после рецензирования 14.07.2021; принята к публикации 12.11.2022

The paper was submitted 28.02.2022; approved after reviewing 14.07.2021; accepted for publication 12.11.2022